

Судьба распорядилась так, что кореец Анатолий Ким стал одним из известнейших современных русских писателей. Большой читательской популярностью пользуются его произведения "Соловьиное эхо", "Лотос", "Белка", "Отец-лес". Анатолий Ким считает, что писатель всегда больше его книги. Публикуемая сегодня беседа — попытка ввести читателя в мир духовных поисков и контекст повседневной жизни автора.

— Если не возражаете, Анатолий, начнем издали: как ваш род оказался в России?

— В пятидесятые годы прошлого столетия корейцы начали переходить границу, которая, впрочем, еще не была на карте обозначена, эмигрировали на земли Дальнего Востока. Уходили от безземелья. В начале нашего века была еще одна волна эмиграции — Корею аннексировала Япония. Уходила от преследований знать. Дед мой был безземельный крестьянин. А потом оказалось... он — потомок королей! В Корею несколько веков правила династия Силла. Последний мой предок из этого рода был вынужден из-за дворцового переворота бежать. Но я о своем далеком предке ничего не знал. Только когда недавно оказался в Корею, меня нашли родственники и выяснилось, что до сих пор существует наша родословная книга — с VIII века.

— **Вожденные эмигранты обеспечены и покоем, безбедно во всех смыслах существование — все это не слышно вжаты с реалиями российской действительности первой половины нашего века.**

— В России в 36 — 37-м годах началось "великое переселение" народов. Корейцы были первыми жертвами. Я родился уже в Казахстане, в селе Сергиевка. Отец там работал в школе.

— **Корейские традиции, быт сохранялись в семье или шла ассимиляция?**

— Произошла смена языка. Родители говорили между собой по-корейски, а с нами, детьми, только по-русски. Корейских школ не было. Сколько я себя помню, все было связано с русским языком, а изменение жизненного уклада — в первую очередь.

— **Неудивительно, что вы стали "русскоязычным прозаиком". А как вообще случилось, что вы стали писателем?**

— Это странная история. Теперь-то я знаю, что в нашем роду были не только какие-то там короли в эпоху Силла, но еще и писатели. И один из самых прославленных корейских писателей, равноценный в своей культуре, скажем, Омару Хайяму, — мой прямой предок. Ким Си Сып.

Так вот. В пятьдесят седьмом я поступил в художественное училище "Памяти 1905 года". Приехал в Москву учиться на художника. А писателем захотелось быть уже на третьем курсе. Как будто что-то такое нашло. Сначала писал стихи, потом рассказы. Писал трудно. Понимал, что ничего еще не получается. И тут пришла повестка из военкомата. Можно было получить отсрочку — четвертый курс, дали бы закончить учебу, но я никому ее не показал. Просто пошел постригся, купил килограмм "одесской" колбасы... Кстати, она сейчас появилась...

— **Пробовали? Узнали?**

— Да, тот же вкус, и это была радость... Купил еще серый батон. Кружку зеленую эмалированную. Увязал все в наволочку от подушки, приделал веревочные ляжки — сделал сидор. И ушел в армию. Ушел вполне сознательно, чтобы разобраться в себе. Жить как прежде было невозможно. А писательство... Я уже всеми фибрами чувствовал — это что-то непреодолимое для меня. Слова сопротивлялись, я понимал, что я нерусский человек, что языковой барьер — это очень и очень серьезно, но надо его преодолеть.

— **Где вы служили?**

— В Ростове-на-Дону. В конвойных войсках.

— **Какой мрачный и, как бы это помягче сказать, неблагоприятный жизненный опыт и какой благоприятный опыт для писателя...**

— Все, что я видел, все, с чем я встретился, — это была жестокая реальность, трагические проблемы существования человека в наше время, в нашей стране. Это то же самое, что (я не сравниваю, просто аналогии провожу) для Достоевского — его расстрел и каторга, для Солженицына — его лагерь и эмиграция. Россия — такая страна, где судьба человека всегда непредвиденна. Воля, острог... Мучительство один — мучительство других. И всегда странным образом у нас правительство было врагом народа, воевало с народом. С самого начала истории "государственные люди" были прихлебатели, приглашенные.

— **У этой идеи в разные времена были и свои сторонники (вспомнить хотя бы Герцена с его "русскими немцами" и утверждением, что помещики распоряжаются в России, как в завоеванной стране), и свои — не менее убежденные и авторитетные — противники.**

— Но совершенно очевидно, что целью властей всегда было как можно сильнее зажать народ. И о нем не заботиться. Состояние войны между властью и народом остается до сих пор.

Так вот, похвал я служил в конвойные войска. Имел возможность увидеть, прочувствовать всю глубину человеческого падения, на которую обрекался узник нашего, родного, концлагеря. Как раз тогда был опубликован "Один день Ивана Денисовича", я его прочитал в армии. Шаламова еще не читал. И его несчастный "курва с котелком" предстал передо мной не на страницах могучей трагической книги, а на вонючих дорожках "жилкой зоны".

— **А писали в армии?**

— Писать там было трудно. Стихи писал. Много. На политзанятиях, на стрельбищах... На конвойных вышках, ночью, когда прожектор светил и можно было приспособить листок бумаги как отражатель и листок.

— **И убеждение, что надо писать, появилось.**

Анатолий КИМ:

"МОЯ РОДИНА — РУССКИЙ ЯЗЫК"

— Я, может быть, больше проверял себя: могу ли не писать. Оказалось — невозможно. И с сознанием этого я уже спокойно вернулся из армии. Оставил училище и пошел работать на стройку. В то время я был под большим влиянием идей Толстого. И его этическую позицию — интеллигент не должен заедать чужой век, а обязан обеспечивать себе возможность духовной жизни — воспринял всерьез, безо всяких оговорок. Работал машинистом башенного крана. Первая публикация появилась, когда я почти потерял надежду, только в 73-м.

Мне все время приходится что-то преодолевать.

— **Преодолевать обстоятельства или что-то внутри себя, в себе?**

— Когда я говорю "преодолевать", имею в виду внутреннюю жизнь. Очень часто подходил к какому-то краю — отчаяния... погибельности даже...

Я пишу не по рациональному плану, не по осмыслению. Я пишу, с самого начала настроившись на какую-то волну, в ее потоке.

— **А есть какие-то дорожки для вас идеи, вокруг которых выстраиваются книги?**

— Каждая моя книга — рассказ о столкновении и преодолении. О том, как я влип в очередную трагическую ситуацию и как я из нее выплыл...

— **Значит, каждая новая ваша книга — это попытка разбраться в себе?**

— Не самоцелью, а естественная попытка. Оказывается, своим писанием слов, работой со словом я живу, это моя реальная духовная жизнь.

Есть писатели, служащие идее — патристической, национальной, идее возрождения деревни или диссидентству. Я никогда не был в их числе. Такая увлеченность, одержимость бывает привлекающей. Человек не замыкается в себе, живет не только для себя, служит обществу. Возможно, я как-то менее привлекающ, но нахожусь в независимом положении. Литература — моя реальная жизнь.

— **О последнем вашем романе "Онлирия" написано пока немного. А как зародился он? Все эти демоны, таинственные смертельные орхидеи, полеты без крыльев, пляжи Касабланки, легенда о флейте Спасителя — как появились они? И эти мучительные поиски ответа на извечные вопросы — что есть жизнь и что есть смерть человеческая?..**

— "Онлирия" — это роман о воскресении. Он бы мог быть даже назван так, "Воскресение", если бы такого названия уже не было. Хотя не о том воскресении писал Лев Николаевич. У меня воскресение в прямом понимании слова, как об этом сказано в Евангелии.

— **Вы человек верующий?**

— Я крестился в сорок лет. И это произошло не под каким-то внешним давлением, а по внутреннему убеждению. Но православие мое не ортодоксальное. Я просто стал христианином через православие.

Так вот роман. Постоянное ощущение трагизма существования — как отдельного человека, так и всего человечества — вызвано осознанием факта смертности. Это очень явная вещь, неотраженная — смерть. С одной стороны. А с другой — страх перед смертью, он ведь с нашей судьбой, то есть судьбой каждого человека и человечества, творит страшные дела. Именем смерти одни подчиняют себе других, и рождается всяческое зло.

— **А почему появилось желание об этом написать именно в тот момент в Южной Корее?**

— Не знаю... Хотя, наверное, все совмещается... Когда я жил в Корею, ощущал, что в России происходит что-то страшное.

— **А в каком году вы уехали?**

— Меня пригласили работать в университете. И жил я там с 91-го года, когда здесь, в России, уже все эти дела пошли. Потом расстрел Белого дома... И вдруг стало ясно, чем могут заставить людей делать то, что они делают, чем можно заставить людей терпеть все, что с ними делают, — угрозой смерти. Это самый высший аргумент. Когда вдруг увидишь: смертью не кончается то, что так дорого человеку, она перестает быть самой страшной угрозой. Смерти бояться не надо, и под страхом смерти не надо действовать столь ужасно и столь подстыдно. Эта философия легла в основу книги. Понимание этого делает человека свободным. Я написал, мне кажется, один из самых оптимистических романов за всю свою жизнь.

— **Ну что касается оптимистичности... У меня осталось, скорее, очень болезненное ощущение тоски по свету, мечтаний загнанной души в поисках выхода. Для вас самого это было избыванием страха смерти?**

— Да, конечно, конечно. Как и для всякого художника... С тех пор как я написал эту книгу, в моей жизни случилось много драмати-

ческого. Уход из первой семьи, разрыв с детьми. Дела тяжелые, а для корейца тяжелые особенно. Но написал я книгу, и мне самому переживать свои личные коллизии стало легче.

Я бы, конечно, был счастлив,

если бы мой роман встретили в России с пониманием. К сожалению, его почти никто не читал... Я не сетую, вы меня не утешайте. Я знаю, вещь сделана. Бог дал мне написать такую вещь. Ну а что касается критиков... Я не комплиментов жду — хотелось бы услышать просто серьезный разговор.

— **Будем надеяться, что он еще состоится. А сейчас давайте вернемся к вашей поездке в Корею. Приехав туда, вы почувствовали, что там — родина? Где для вас дом — там или здесь?**

— Вы знаете, это вопрос очень простой. И отвечаю я вам просто, как в армии говорят: "Делай — раз, делай — два..." Я там не почувствовал, что это моя родина — раз. Второе — я почувствовал, что моя родина здесь. И третье — я не могу определить, где моя родина здесь. Географически. Не Казахстан. Не Москва. Не Мещера...

— **Так что же это для вас? Образ жизни? Воздух?**

— Нет. Я нашел родину наконец. Родина моя — это русский язык. Почему я, наверно, не стал живописцем. Мне дорог не внешний образ, не ландшафт, а то, что несет с собою слово. Слово в его оболочке смысловой, в его интонационной мелодике — я чувствую, что я там, я оттуда появился. Я родился, очевидно, тогда, когда захотел писать. Это странно, но, ей-Богу, это не красивая фигура.

— **Скажите, та Россия, из которой вы уехали, и та, в которую вернулись, — они очень разнятся?**

— Разнятся умопомрачительно. В людях, которых я знал долго и с которыми опять встретился сейчас, такое произошло...

— **Что же такое с нами здесь произошло?**

— Главное вот что: раньше мы — я сейчас специально упрощаю, потому что там, где очень все сложно, надо упрощать и делать все более спокойным, — раньше мы жили в позорных обстоятельствах, в атмосфере лжи, цензуры, духовного насилия, но мы знали, что это позорно. Мы иногда поступали, подчиняясь обстоятельствам, но знали, что поступаем нехорошо, и калялись, и пили, и рубаху рвали на себе. Но мы знали и то, что, кроме этого, есть что-то другое, не позорное, что благородно, хорошо и прекрасно. Так мы жили. Что-то случилось за эти четыре года, пока я не был тут. Все, что носили в себе в том угарном мире как что-то светлое и на основании чего многие из нас действовали вопреки этой подлости окружающей, куда-то ушло, а сама подлость, приобретаю другую окраску, другой камуфляж, осталась, и, примиряясь с этой подлостью, мои благородные друзья живут — как бы даже и подчиняясь ей.

— **А как вы чувствовали себя в Корею? Вы не собирались там остаться?**

— Мне предлагали. И я об этом думал. Я бы остался, если бы не русский язык. То есть его отсутствие.

— **Нужна подпитка?**

— Конечно, ежедневная подпитка именно через слово. Мне там говорили — и русские, и корейцы: куда ты едешь, зачем, и жена тоже сомневалась, нужно ли уезжать... Хотя особых трудностей чисто внешних здесь у меня опять-таки нет.

Я здесь встретился с потомками Толстого — Владимиром, Ильей, Петром Толстыми. Был у них в Ясной Поляне. Неожиданно подружились. Это тоже один из знаковых судьбы. Вы знаете, у меня есть ощущение сейчас, что я вернулся сюда не только из-за своей тоски, но и потому, что это нужно, не только мне нужно.

— **Почему для вас это связывается с Толстыми?**

— С Толстыми, Львом Николаевичем, связан вот что: что бы они ни писали — романы или трактаты, — все это отражает самые благородные качества русского слова, духовности, как мы нынче говорим — менталитета. Самое порядочное, что было в России, феноменальное, самое человеческое. Со всеми противоречиями, метаниями жизненными. Они, в конце концов, не главное. Только эти начала и способны возродить из руин Россию, привести к духовному спасению. И я встретил живых носителей этих генетов. Сейчас мы думаем вместе издавать журнал "Ясная Поляна". Меня пригласили быть соредактором...

Русская культура — значительная часть мировой культуры. Несмотря ни на что, нам удавалось создавать настоящие ценности. И даже сейчас, когда все это случилось со страной, когда я увидел во многих русских людях готовность существовать рядом с подлостью, готовность ступившись, устыдившись своего собственного благородства, чувства собственного достоинства, я уверен: придет время, когда все снова займет свое место в жизни. Надо действовать этому, помогать.

Беседу вела Наталья ИГРУНОВА.

(Полный текст беседы будет опубликован в 4-м номере журнала "Дружба народов").